

УДК 94(47)
DOI: 10.15393/j14.art.2022.168
EDN: FBBEXV
Статья

Лопарева Александра Витальевна

Частное профессиональное образовательное учреждение
«Петрозаводский кооперативный техникум Карелреспотребсоюза»
Преподаватель; Магистр истории

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СААМОВ В ПОЛИТИКО-ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ 1920—1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации этнографического образа саамов в политико-пропагандистском дискурсе 1920—1930 гг. Многие теоретические принципы и практические приёмы описания малых народов, в том числе и саамов, которые складывались в тот период, продолжают влиять на современные этнографические исследования. Образ саамов в газетах и этнографических журналах зависел от контекста того исторического периода и политико-идеологических установок. Авторы при описании малых народов акцентировали внимание на тех или иных чертах, предлагали те или иные темы и использовали эмоциональные высказывания. Важным методологическим принципом в изучении этнического образа саамов является дискурсивный анализ, который позволяет исследовать устойчивые языковые конструкции и штампованные фразы по материалам советских периодических изданий 1920—1930 гг.

Ключевые слова: саамы; советская этнография; образ; коренные народы; советская периодика; политико-пропагандистский дискурс

Начиная с последнего десятилетия XX века общественно-гуманитарные науки в России переживают кардинальные изменения. Появилась новая методология, обновилась терминология, и в центре анализа оказались не столько этносы, сколько процессы конструирования этнической идентичности. В контексте данного поворота представляется важным вернуться к истокам формирования этнографического образа малого северного народа саами.

Когда в середине 1920-х гг. возник интерес к северным малочисленным народностям в Советском государстве, по всей стране разворачивалось государственное строительство. Было необходимо вовлечь многонациональное общество в решение политических и экономических задач. Многие элементы теории и методологические подходы описания народов, как, например, натурализация категорий идентичности, или экзотизация, сложились, главным образом, в период до 1950-х гг. и продолжают влиять на практику сегодняшних российских этнографических исследований. В интересующий нас период 1920—1930-х гг. происходили

немалые перемены в отношении к этническим меньшинствам. Многие изменилось, когда в перепись 1926 г. была введена категория национальности. Так, во второй половине 1920-х гг. в Советском Союзе появилось понимание национальности как этнической принадлежности. Насильственная коллективизация в 1930-е гг. нанесла большой урон традиционному хозяйству саамского населения, хотя правительством тогда же активно проводилась политика по повышению уровня образования и культуры народов Севера. Все эти изменения по отношению к саамам отражались в периодической печати.

Российский этнограф С. Соколовский предлагает рассматривать идентичность с помощью трёх дискурсов: правового, политического и научного. В источниках советского периода 1920—1930-х гг. ясно прослеживаются два пути создания образа саамов как малочисленного народа. Для научного дискурса характерно изучение языков и культур, которые ложатся в основу разработки этнических категорий. В интересующий нас период этнография и краеведение на Кольском Севере развивались в двух направлениях: во-первых — агитационно-пропагандистское, в рамках которого ставилась задача развивать «советское краеведение, втягивая широкие массы трудящихся», а во-вторых — глубокие этнографические исследования. Результаты и первого, и второго направлений отразились не только в научных журналах и академических изданиях, но и в многочисленных публикациях средств массовой информации. В данной статье автора интересует идеологический дискурс региональной прессы, тесно связанный с акцентами государства в выстраивании необходимых категорий.

Политико-пропагандистские установки в этнографическом дискурсе играли важную роль в создании образа саамов, особенно в 1920—1930-е гг. Специфика, присутствующая в средствах массовой информации, позволяет проследить присущие данному дискурсу особенности, поскольку освещение межнациональных отношений и этнических меньшинств происходило с использованием специальных «лексем, фразем, синтаксических конструкций и текстов» [10: 12—17]. К тому же газеты с первых лет установления советской власти заняли главное место в системе пропаганды политики правящей партии. Печатные издания стали действенным средством создания образа коренных народов и способствовали преобразованиям через формирование общественного мнения о «северянах». Различные этнические характеристики, создающие образ народа, приобретали символические значения, что позволяло им сохраняться длительное время, забываться и снова воспроизводиться. Таким образом субъект восприятия, как, например, народы Севера в первые десятилетия советской власти, превращались с помощью печати в объект воздействия или даже манипуляции.

После 1920-х гг. культура и экономика коренных жителей Кольского полуострова претерпели серьезные изменения. Развитие отсталых малочисленных народностей Севера стало одной из главных идей в национальной политике Советского государства. Подход к изображению этнографических и культурных особенностей саамов заключался, главным образом, в том, чтобы показать их общую отсталость, выявить её причины и обозначить пути как с ней необходимо бороться. При описании жизни саамского населения в 1920-х гг. большое внимание уделялось таким темам, как природные условия, уровень развития и культурная неразвитость. Ещё больше писали о снабжении населения продовольственными товарами и книгами, хозяйственно-экономическом развитии края. Гораздо меньше внимания уделялось семейному быту, материальной культуре или духовной сфере.

Можно отметить, что эволюционистская концепция, набравшая популярность в XIX веке, также прослеживается в некоторых сообщениях о жизни саамского населения. Редко, но всё же встречается в периодике относящееся к саамам определение «дикари Мурман», которые ведут беспросветную жизнь и «даже не знают, что у нас советская власть» [13: № 63: 3]. Хотя

чаще всего слова «дикарь» или «туземец» заменялись на такие синонимы как «тёмный и неразвитый народ», «обитатель тундры» или «тёмная масса населения дикого Севера». Полагая, что замена понятий могла быть связана со стремлением стереть следы царского прошлого и стигматизацией имперской колониальной политики, поэтому слова «инородцы» или «туземцы» объявлялись устаревшими и не «этнографическими».

Значительная часть газетных статей о саамах в 1920—1930-х гг. посвящены условиям жизни, или, вернее сказать, условиям «выживания» северного народа. Изображение суровой, холодной, недружелюбной тундры, где люди ведут упорную борьбу за существование, было принципиально важным при описания саамской культуры. Холодные погодные условия севера нередко подавались как причина отсталости коренного населения Кольского полуострова. В газетах писали, что саамское население, «из-за суровости северного края и тяжести борьбы с природой за существование, далеко отстало в своём развитии и образовании» [13: № 35: 1], что тяжело сказывалось на развитии хозяйства и достижении целей советского строительства. Акцент на тяжёлых климатических условиях должен был не столько привлечь внимание на непригодность северной зоны для обитания, сколько объяснить необходимость помощи со стороны советского правительства. Надо было показать, что просвещение и культура, которые несёт с собой новый строй, помогут в победе «над силами природы» и облегчат трудовую жизнь северному народу.

В текстах, авторы которых причину отсталости саамов видели в холодном климате и «глухоте» тундры, явно прослеживается тенденция, сохранившаяся ещё с XIX века, когда были популярны такие эпитеты, как «мертвенная», «унылая», «суровая», «дикий безлесный край». Но теперь, в Советском государстве, «самые настоящие дикари» хотя и медленно, но верно продвигаются к культуре, образованности и светлому будущему. Тон сообщений в прессе был мрачным, но не безнадежным и не статичным. На страницах советских газет публиковались тексты не только в прозе, но и в стихотворной форме о том, что благодаря политике советской власти, благодаря просвещению и культуре «полукочевой народ» находится в непрерывном движении по эволюционной лестнице:

«Кто сказал, что Мурманска морозы
Для культуры — петля? Это ложь!
Мы марксизма здесь вырастим розы...» [13: № 60: 3].

Активно пропагандировалась необходимость помощи малым народам в деле восхождения по пути прогресса и эволюции. В местах обитания коренных народов на Кольском полуострове реорганизация рассматривалась советскими деятелями и этнографами как «социалистические преобразования и национально-государственное строительство». Результатом политики советской власти на этих отдалённых окраинах представлялось качественное улучшение жизни северных народов, освобождение от длившегося веками национального угнетения и перспектива «перехода северных аборигенов от полупервобытного, феодального состояния сразу к социалистическому, минуя капитализм» [14; 8; 6: 88—93].

Возложение вины за нищету и отсталость саамского населения на царизм стало ключевым тезисом антиимперской риторики, особенно к концу 1920-х гг. Объектом эксплуатации были названы малые народы Севера, а эксплуататором — царское правительство, которое оставило лопаря почти в диком состоянии. Типичным приёмом при демонизации прежней государственной власти был акцент на том, что «лопари жили по своим старинным законам и обычаям» [13: № 26: 2], что хозяйство велось натуральным способом, что не было медицины, и что, естественно, никто не имел представления о грамотности. Очевидным казался ответ на вопрос, почему же народы Севера так долго пребывали в ужасных условиях, будучи неспособны-

ми освободиться от «грубого знахарства и колдовства», от «первобытного суеверия, каким полно их мировоззрение» [13: № 15 : 2]. В прессе, сборниках статей, во всех этнографических работах о саамах политико-пропагандистски настроенные авторы стремились показать разницу между царским правительством, «заботившимся только о сборе с лопарей подати» [13: № 26: 2], и советской властью, которая предоставила им «равное право участия в государственном и культурном строительстве страны и возможность национальным меньшинствам развивать свою культуру» [17: 6].

Свидетельствами малой развитости саамов в данных текстах являлись, как правило, неграмотность, традиции старого времени, первобытные суеверия, а к концу 1920-х гг. и полукочевой образ жизни. В газетах публиковались призывы о необходимости приобщить обитателя тундры к «культуре нашего века» и ознакомить с принципами советской власти. Это можно было осуществить лишь при обязательном всеобщем образовании и поднятии уровня грамотности саамов.

Школьная образовательная система для коренного населения Кольского Севера учреждается уже с начала 1920-х гг. Началось строительство школ, клубов, читальных залов. Выделялись средств на литературу и газеты. Все эти меры были призваны преодолеть отсталость. В прессе нередко использовался такой приём — будто бы саамы, ожидая обещанного слишком долго, требовали прислать им учителей и построить школы: «вот приедет учитель и займется с нашими детишками, уж коли мы остались неграмотными, так пусть хоть наши дети будут мало мальски кое в чем разбираться» [13: № 84: 3]. Часто встречаются жалобы на то, что борьбу с безграмотностью крайне затрудняет разбросанность населения. Но сообщалось при этом, что «несмотря на свою темноту лопари ясно и отчетливо сознают всю необходимость грамотности и просвещения» [13: № 97: 3]. Эти сообщения крайне интересны, так как буквально месяцем ранее в другом выпуске той же газеты читаем, что «местное население отпускало детей на занятие с большим недоверием». Правда, следом было аккуратно добавлено «...но понемногу все свыклись с этим и поняли, что это приносит пользу их детям» [13: № 71: 3].

Железная дорога, соединившая Петроград и Мурманск, чрезвычайно повысила значение северного региона. В 1923 г. Совет Труда и Оборона принял положение «О колонизации Карело-Мурманского края», в соответствии с которым железной дороге передавались широкие права на освоение территории Карельской Трудовой Коммуны. Колонизацию Карело-Мурманского края тесно связывали с природными богатствами севера, особенно лесными. Механизированное строительство изб, согласно сообщениям в прессе, должно было заинтересовать «лопаря тундры», который живёт в «холодной окраине» [5: № 14(66): 3]. Сообщалось, что ещё недавно саамы «бежали вглубь тундры, считая железную дорогу делом нечистой силы», но теперь они сами заинтересованы в Мурманской железной дороге, которая поспособствует подъёму благосостояния края и развитию лопарского населения [13: № 45: 4].

Признавалось также, что развитие оленеводства составляет главное условие колонизации тундры, поэтому необходимо предотвращать падёж оленей, чтобы избежать упадка хозяйства в дальнейшем. Иногда в прессе отмечалось недостаточное умение саамов вести оленеводческое хозяйство, хотя не было сомнений в том, что «жителя крайнего Севера нельзя и мыслить без оленя, как и жителя пустыни без верблюда» [5: № 11(63): 9]. Саамов даже противопоставляли ижемцам, у которых «оленеводство развивается: они пасут оленей, нанимая для этого пастухов, преимущественно лопарей» [13: № 71: 2]. Колонизация Мурманского края зависела исключительно от оленеводства, поэтому нужно было показать важность помощи государства малым народностям в этом деле.

Большое значение в освещении хозяйственной деятельности саамов уделялось вымиранию коренного населения, причём связывалось это с неумением разводить, пасти оленей и ухаживать за ними. Некоторые авторы даже указывали на то, что «лопарь не укрывает оленя от сильных холодов и бурь, не заготавливает корма», не способен бороться с болезнями [13: № 19(71): 3]. И поскольку за последние годы главная отрасль саамского хозяйства, по мнению правительства и авторов периодики, пришла в полный упадок, государство обязано было дать средства на восстановление и развитие оленеводства и «предотвратить вымирание лопарей» [5: № 19(27): 6].

Идеальным дискурсом для массовой агитации стала тема положения женщины. В первую очередь в просвещении делали акцент на роли женщин, потому что они являлись хозяйками, домоправительницами и воспитательницами [14]. В периодической печати 1920-х гг. женский вопрос присутствовал практически повсеместно. Ответственность за неграмотность возлагали на пережитки царского прошлого, из-за них женщина отставала и была менее политически развита, чем мужчина. В описании семейных отношений того времени почти стандартной стала фраза о том, что «тёмная, неграмотная лопарка рвет старые обычаи, основанные на порабощении женщины» [13: № 27: 3]. Происходило это в основном благодаря усилиями Советского государства, которое обратило внимание на «вовлечение женщин в клубную и культпросвет работу, на ее участие в кружковых занятиях» [13: № 1: 1]. Обучаясь сами, они должны были уметь разъяснить другим значение учёбы и направить по новому социалистическому пути своих родственников и детей.

Наиболее адекватным восприятием положения женщины в саамском обществе отличались описания старого и нового быта. В этих сюжетах большинство авторов противопоставляли молодость и старость, прогресс и пережитки прошлого. Данный приём активно использовался, чтобы показать важность культурных и образовательных преобразований, проводимых советской властью в среде коренного населения тундры. Так, например, под саркастическим названием: «Прелести обычаев доброго старого времени» [13: № 5: 3] была опубликована история девятнадцатилетней девушки-лопарки, которая ушла из дома в лютый мороз, чтобы замерзнуть, лишь бы не подчиниться воле родителей, которые всё ещё находились под властью старых порядков. Более того, девушка не просто не пожелала следовать пережиткам прошлого, но и проголосовала за закрытие церкви. Таким образом, поучительная история демонстрировала, как молодая саамка культурно перерастает своих отсталых родителей и находит спасение в новом быте.

Вопрос перевода коренного населения Севера на оседлость на начальном этапе социалистических преобразований активно не поднимался, вплоть до начала 1930-х гг. Государственная программа в области национальной политики, призванная ликвидировать «политическую, социально-экономическую и культурную отсталость ранее угнетённых народов», признавала необходимым развитие местных национальных отраслей экономики — оленеводства, охоты, рыболовства и «призывала учитывать вековые традиции кочевания» [9: 31—36]. Однако к концу 1920-х гг. всё чаще стали появляться сюжеты о необходимости перевода саамов на оседлый образ жизни, причём сообщалось, будто сами «лопари испытывали большое тяготение к замене первобытного кочевого образа жизни на более культурный» [13: № 100: 4]. Если поначалу об экономическом состоянии саамских сообществ писали, что «олени — главное значение для хозяйства», то с некоторых пор условия быта кочевника-оленьевода стали «громчайшим тормозом к культурному подъёму населения и его хозяйства» [15: 56].

Конец 1920-х гг. стал тем рубежом, который изменил положение Кольского Севера в политике Советского государства. Прежде всего, поворот к индустриализации повысил значение ре-

*Саами на оленьих упряжках. 1930-е гг.
(Государственный архив Мурманской области в г. Кировске —
ГОКУ ГАМО. Ф. 179. Оп. 13. Д. 590.)*

сурсов этого северного края. Сильным изменениям подверглась и повседневная жизнь саамов в результате многочисленных переселений, перевода на оседлость в период коллективизации и вследствие строительства городов на крайнем Севере. Всё это сказалось на социальной, семейной, культурной и экономической организации коренного населения. В то же время претерпевает изменения и политико-идеологический дискурс в местной прессе.

*Саамская семья. Посёлок Ловозеро. 1929 г.
(ГОКУ ГАМО. Ф. Р-428, Оп. 1. Д. 30. Л. 11.)*

Значительная часть статей по-прежнему посвящены проблеме образования и преодоления безграмотности саамов. Однако уже гораздо реже можно встретить сводки с жалобами на повальную безграмотность саамов, или о том, что борьба с малограмотностью населения проводится плохо. На примерах первооткрывателей советского Севера, которым приходилось работать в неимоверно трудных условиях, показывали с какими трудностями сталкивалось государство на пути к просвещению малых народов и каких успехов удалось достичь. И если что-то препятствовало новой культуре, то уже не погодные условия, а кулаки, попы и «беззубо-шамкающая старуха, которая запугивает детей, что в школе их посадят на чай и соль» [13: № 169: 3]. Сообщалось также о значительном росте количества студентов-саамов в Институте народов Севера, которые проводили большую общественную работу, приступив к выполнению профессиональных обязанностей в среде своей народности «в качестве специалистов по советскому строительству и педагогике» [13: № 150: 1].

Важным событием в области просвещения стало создание письменности на языках малых народностей. Уже в начале 1930-х гг. началось создание и утверждение алфавитов и издание литературы на национальных языках. Общая грамотность среди малочисленных народов Севера поднялась до 30% к началу 1934 г. [12: 27—36]. Создание письменности на саамском языке и его преподавание в Педагогическом техникуме известным краеведом В. К. Алымовым активно освещалось в прессе. Иногда даже печатались пропагандистские статьи на саамском, хотя и на кириллице [13: № 12: 2]. Протокол собрания саамов колхоза «Тундра» в Западной Лице от 15 октября 1933 г. свидетельствует: «Просить Комитет Нового Алфавита выслать в колхоз 20 букварей на саамском языке; просить Окрисполком предоставить для достройки школы 700 шт. кирпича, одну печную плиту, 50 кг пакли, один ящик гвоздей 3-х дюймов и один ящик стекла; просить ОкрОНО командировать в колхоз учителя саама, снабдить школу всеми необходимыми пособиями и инвентарём». Безусловно, все эти факты говорят о большой целенаправленной и планомерной работе региональных органов исполнительной власти Мурманского края в становлении образования среди саамского населения [2; 1]. В феврале 1937 г. было принято постановление «Об утверждении новых алфавитов народов Севера, разработанных на основе русского алфавита». Всем тогда казалось, что началась новая эра просвещения и процветания. Но этим надеждам в полной мере не суждено было сбыться. В стране началась компания репрессий.

С начала 1930-х гг. началось исчезновение традиционных форм проживания аборигенов края. Большая часть саамских погостов прекратили существование из-за коллективизации и промышленного освоения Кольского полуострова. Саамов переводили на оседлый образ жизни и переселяли в центральную часть Мурманской области. В 1930-е годы существовало убеждение, что чем выше оседлость оленеводов, тем более организованное хозяйство они способны создать. Причиной перехода саамов на оседлость стала не только коллективизация, но и активное строительство на землях бывших погостов-округов транспортных коммуникаций, посёлков и городов с пришлым населением [12: 27—36]. В прессе старались показать всю выгоду и преимущества для коренного населения «культурного ведения» оленеводческого хозяйства. Под этим понимали перевод саамского населения с кочевого образа жизни на оседлый, который должен был способствовать расцвету в экономическом и культурном отношении Ловозерского национального района [13: № 1: 2]. Ведь саамы должны были перебраться из дымных чёрных землянок в хорошие светлые дома. В докладах о работе партии на местах присутствует образ малых народностей севера — саамов, самоедов, ижемцев — самостоятельно избравших путь коллективизации. В доказательство приводились цифры: «В прошлом году только 27% оленеводческих хозяйств было объединено в колхозах, а сейчас уже 47%» [13: № 157: 7].

Очевидно, что малые народности не могли сами избрать «путь коллективизации». Если правительство встречало сопротивление на заявленном пути, то очень быстро находило причину: «внутренних врагов». Главным врагом, который препятствовал коллективизации оленеводческих хозяйств, было объявлено кулачество. Кулакам приписывали обострение классовой борьбы, национальную рознь между лопарями и ижемцами — они якобы вербовали сторонников среди собственного населения [13: № 17: 3]. Для усиления эффекта виновности использовался такой фактор как алкоголь. Согласно сообщениям, кулачество в Ловозерском районе не просто вело «бешеную агитацию против колхозов», а даже не останавливалось перед спаиванием водкой лопарей и самоедов [13: № 12: 3]. В сводках нередко присутствовали истории про оленевода, который имел около тысячи оленей, но не обобществил стадо, более того, уговаривал остальных саамов сделать так же, обещая им муку и сахар. Таким «героям» приписывали слабость к алкоголю или агрессивность — будто-бы они обещали утопить в реке председателя совета [13: № 104: 3].

Вообще пьянство, употребление водки довольно часто стали использовать не только при создании образа врага в лице кулачества, но и при описании жизни саамов до революции 1917 г. Согласно сообщениям, в лопарских погостах шёл процесс вырождения. Саамов спаивали попы и царские ставленники, тогда как «советская власть, которая принесла освобождение и культуру, поменяла старый, пропахший потом и водкой, мир на новый, культурный и социалистический» [13: № 122: 2]. Подобная идеологическая риторика стала проследиваться в 1930-х гг. и в этнографических работах, авторы которых подчёркивали, что при царизме саамы были слабые, а богачи и купцы спаивали их горькой водкой [7: 15—52].

Акцентирование внимания на алкоголизме малых народов Севера не было новым явлением при советской власти. В XIX веке этнографы обвиняли в бедственном положении саамов из-за их спаивания отдельных представителей «колонизаторов»: кулаков, местных чиновников, промышленников, в том числе русских колонистов [3: 119—120]. Как ранее правомерность государственной колонизации саамских территорий не ставилась под сомнение, так и в 1930-х гг. правительство не сомневалось в прогрессивности коллективизации и индустриализации Кольского полуострова, хотя и дискредитировало предшественников.

В 1930-е гг. Кольский полуостров в политико-идеологическом дискурсе представлялся «своеобразной страной за Полярным кругом с разнообразной природой и множеством прекрасных ландшафтов», который раньше, до революции, был «забытой и глухой окраиной» [11: 47]. Считалось, что индустриализация приведёт к качественному улучшению жизни на далеком Севере. Хотя индустриализация на Мурмане вызвала очевидное сокращение традиционных пастбищных и промысловых угодий, нарушила систему традиционного расселения, в прессе не переставали звучать утверждения, что Кольский полуостров к 1937 году будет одним из цветущих регионов социалистического государства, в то время как «лопарь является стражем-хозяином неисчерпаемого источника плодородия — апатитовых залежей» [13: № 12: 2]. Появление транспортных коммуникаций, посёлков, новых городов, железной дороги радикально изменило ландшафт на территории саамских погостов. В газетах же активно освещались достижения на Севере, такие как строительство города Хибиногорска, возведение фабрики и электростанций и других подобных предприятий. Чтобы создать более яркий контраст, подчёркивалось, что в царские времена единственное, чем одаривала саамов хибинская тундра — вода для их оленей, рыба и дичь для их семей. Спорить в прессе о том вымирают ли саамы, как в 1920-е гг., было невозможно. Тех, кто каким-то образом об этом упоминал, называли доморощенными буржуазными учёными, не понимавшими, что ленинско-сталинская национальная политика повлияла на возрождение саамского народа [13: № 15: 61].

М. Терри выделяет в советской национальной политике две линии: мягкую и жёсткую. Иногда они шли параллельно друг другу. Пока в политике действовала «мягкая линия», государство поддерживало национальные территории, поощряло сохранение и развитие национальной культуры. В газетах находим немало объявлений о выступлениях певцов старинных саамских песен по радио [13: № 53: 2], об окружных олимпиадах художественной самодеятельности и праздниках народного творчества [13: № 50: 4], об изучении письменного саамского языка [13: № 53: 4]. Проявлялся сильный интерес к национальной культуре саамов — фольклорной музыке, этническим костюмам, детским играм, местным праздникам [13: № 1: 2]. Если проведение культурных мероприятий шло с трудом, то клубных работников могли обвинить в том, что они плохо изучили богатую художественную традицию саамского народа [13: № 168: 51]. В описании традиционной саамской культуры акцент ставился на том, что её возрождение произошло, когда «дикие кошмары саамского народа остались в прошлом», когда жить стало лучше и веселее, тогда-то и «talанты, которых в народе непочатый родник, ярче расцвели в стране» [13: № 61: 4].

*Дети саамов за учебой
(Карело-мурманский край, 1935. С. 13.)*

*Саамка в национальном костюме на сцене Дома
Культуры («Полярная Правда», 1936. С. 22.)*

Деятельность организаций, работавших в русле «жесткой линии» сводилась к осуществлению надзора за достижением целей национальной политики. Нередко принимались меры для предотвращения сугубого развития национального самосознания. Так, в 1920-х гг. началось изучение саамского языка. В начале 1930-х гг. эта работа приобрела углублённый характер, и даже появился саамский букварь З. Е. Чернякова на латинской основе. Однако уже в 1935 г. первый саамский словарь посчитали идейно вредным и изъяли из обращения [1: 23].

Пик репрессий пришёлся на 1937 и 1938 гг. Саамов, в частности, обвиняли в желании создать собственное государство, которое в дальнейшем присоединится к Финляндии. Одним из известных дел о репрессиях в отношении саамского населения является «Дело Алымова и Ко», по которому в 1938 г. был расстрелян известный краевед и исследователь истории саамов В. К. Алымов, а вместе с ним часть жителей саамского села Ловозеро. Наличие «жесткой линии» в национальной политике подчеркнуто свидетельствовало об угрозе сепаратистского «буржуазного национализма» и в особенности об угрозе проникновения контрреволюции через трансграничные этнические связи.

Несмотря на то, что правительство проводило репрессивную политику против этнических меньшинств, считают, что советский режим, будучи антинационалистическим, совсем

не был антинациональным. По мнению Р. Брубейкера, не происходило безжалостного подавления национальности, «режим сделал серьёзные шаги к её институционализации и кодификации» [4]. М. Терри объясняет резкие переходы от поддержки национальной идентификации к этническим чисткам тем, что советские власти были подвержены «непомерному страху» перед влиянием из-за границы и «заграничной заразой». Советская ксенофобия была идеологической, а не этнической. И поддерживалась она ненавистью и подозрительностью к иностранным капиталистическим правительствам, а не к нерусским народам» [16: 426].

Строго говоря, советский патерналистский подход по формированию национальной политики имел мало сходства с политикой Швеции и Норвегии по отношению к саамам. Несмотря на некоторую схожесть во взглядах на малые народности во всех трёх странах: подразумевалось искоренение традиционного образа жизни коренных народов, так как кочевничество связывали с более низкой стадией развития общества; прогнозировалось вымирание или полная ассимиляция саамского населения, так как популярной была идея о том, что саамы слабые люди, нуждающиеся в особой защите правительства; распространялось стереотипное представление о саамах как о беспомощных детях, которым необходимо покровительство государства; акцентировались нечистоплотность, необразованность малого народа со странным языком и странными бытовыми привычками [19: 40—44], идеологическая политика Советского государства, в отличие от политики расовых теорий в Швеции и Норвегии, не была антинациональной.

Исследователи признают, что законодательные акты и политику, проводившуюся с середины XIX по середину XX века в Швеции и Норвегии в отношении саамов, можно называть дискриминационной. В повседневном общении саамский язык постепенно вытеснялся шведским или норвежским, а официальная политика в области образования взяла курс на полную гегемонию официальных языков. В 1913—1971 гг. шведское правительство проводило сегрегационную политику в отношении саамских детей, обучение которых осуществлялось в отдельных школах [18: 203—220]. В Норвегии с конца XVIII века усиливались ассимиляционные процессы, а к концу XIX века официально проводилась «норвегизация» — превалирование норвежского языка и культуры. Саамское население всячески притесняли: преследовались духовные практики и традиции, полностью запрещалось использовать коренные языки в образовании. Главной целью государственной политики Норвегии и Швеции было привести к единообразию всё население, что для коренных народов означало полный отказ от собственной культуры и традиционного образа жизни. В Норвегии такая политика объяснялась необходимостью сохранить и обезопасить молодое независимое государство [20: 1—14]. Возраставший национализм в Швеции также не оставлял места для других культур.

В газетах 1920-х гг. создавался образ саамов как народа тёмного, который долгое время находился в состоянии первобытной дикости и безграмотности, поскольку необходимо было объяснить активно проводимую культурную работу по изменению всего уклада их существования на совершенно новый. Уже в 1930-е гг. в советской прессе о саамах сообщалось как о народе, который оставляет кочевой образ жизни в прошлом. Согласно газетным сообщениям, саамы, ещё несколько лет назад приверженные чуть ли не первобытности, наконец-то всецело тянутся к знаниям, имеют собственную письменность и благодарны советской власти за проделанную для них организационную работу. Впрочем, по-прежнему саамы изображались как народ, который непрерывно движется из одной точки в другую, никогда не достигая цели. И если в первом десятилетии советской власти, саамы в глазах общественности оставались дикими и безграмотными, хотя и продвигались вперед по эволюционному пути, то в 1930-х гг. такая риторика стала непозволительной, ведь этот малый северный народ практически достиг общей цели.

Утверждения о дикости и необразованности саамов не были чем-то новым в рамках политико-пропагандистского дискурса в ранний период советской власти. В XIX веке, в эпоху колониальной идеологии, о малых народах Севера говорили либо как о «благородных дикарях», сохранивших нравственную чистоту, либо как о народе с низкой культурой, который демонстрирует грубые «нецивилизованные» нравы. Отличие нового дискурса от предшествующего состоит в том, что в советский период «дикость» и «необразованность» саамов не идеализировали и не обвиняли их в этом плачевном состоянии. В советской прессе 1920-х—1930-х гг. малые народности признавались жертвами дореволюционной политики угнетения и эксплуатации, которую в их отношении долгое время проводило царское правительство.

Источники и литература:

1. Бакула В. Б. Духовная культура саамов и её отражение в языке / В. Б. Бакула — Мурманск : Принт-2, 2017. — 287 с.
2. Богданов Н. Б. История становления системы образования Кольских саамов (или этапы становления саамской педагогики) — [Электронный ресурс] / Н. Б. Богданов. — Электрон. ст. — [Россия], 2002. — URL: <http://saami.ru/biblioteka/3-stati/48-istoriya-stanovleniya-sistemy-obrazovaniya-kolskikh-saamov-ili-etapy-stanovleniya-saamskoj-pedagogiki.html> (дата обращения: 03.08.2021).
3. Бодрова О. А. Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX веков : дис. ...кандидата истор. наук : 07.00.07 / Бодрова Ольга Александровна. — Санкт-Петербург, 2009. — 185 с.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; перевод с англ. И. Борисовой. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
5. Вестник Мурманска. Мурманск, 1925—1936.
6. Данилейко В. А. К истории Комитета Севера (1920—1922 годы) / В. А. Данилейко // Исторический ежегодник: сборник статей / Институт истории СО РАН. — Новосибирск, 2009. — С. 88—93.
7. Зеленин Д. К. Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции // Советская этнография. — 1938. — № 1. — С. 15—52.
8. Зибарев В. А. Комитет содействия народностям Севера — [Электронный ресурс] / В. А. Зибарев. — Электрон. ст. — [Россия], 2017. — URL: https://www.portalus.ru/modules/different/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1500112875&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения 03.08.2021).
9. Иванова М. В. Некоторые особенности традиционного домохозяйства Кольского полуострова конца XIX — первой половины XX вв. / М. В. Иванова, Е. Я. Пация, О. В. Шабалина // Кольский Научный центр. — 2018. — № 9. — С. 31—36.
10. Костякова Ю. Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника / Ю. Б. Костякова // Армия и общество. — 2011. — №3(27). — С. 12—17.
11. Крепс Г. Лапландский заповедник / Г. Крепс // Советское Краеведение. — 1936. — № 10. — С. 47.
12. Лопуленко Н. А. Основные черты государственной политики в отношении малочисленных народов севера России в 1936—1957 гг. / Н. А. Лопуленко // История государства и права. — 2011. — № 4. — С. 27—36.
13. Полярная Правда. Мурманск, 1924—1937.
14. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Юрий Слёзкин; перевод с англ. О. Леонтьевой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 512 с.
15. Терлецкий П. Жилищные условия населения Крайнего Севера / П. Терлецкий // Советский Север. — 1932. — № 3. — С. 56.
16. Терри М. «Империя положительной деятельности». Нации и Национализм в СССР. 1923—1939 гг. / Мартин Терри. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 528 с.

17. Янсон П. Н. Национальные меньшинства Ленинградской области / П. Н. Янсон. — Ленинград: Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. — 105 с.
18. Kvist R. The racist legacy in modern Swedish saami policy / Roger Kvist // The Canadian Journal of Native Studies. — 1994. — Vol. 14, no. 2. — P. 203—220.
19. Lundmark L. Samerna och den svenska rasismen / L. Lundmark // Populär historia. 1998. — № 4. S. 40—44.
20. Steinlien Ø. The Sami Law: A Change of Norwegian Government Policy Toward the Sami Minority? / Øystein Steinlien // The Canadian Journal of Native Studies. — 1989. — Vol. 9, no. 1. — P. 1—14.

Alexandra V. Lopareva

Private Professional Educational Institution
«Petrozavodsk Cooperative Technical School of the Karelian Republican Consumer Union»
Teacher; Master of History

THE ETHNOGRAPHIC IMAGE OF THE SAAMI IN THE POLITICAL AND PROPAGANDA DISCOURSE OF THE 1920s and 1930s

Abstract:

The article deals with the peculiarities of the representation of the ethnographic image of the Saami in the political and propaganda discourse of 1920-1930s. Many theoretical principles and practical methods of the description of small peoples, including the Saami, which were formed at that period, continue to influence modern ethnographic research. The image of the Saami in newspapers and ethnographic journals depended on the context of that historical period and political and ideological attitudes. The authors emphasized certain traits, suggested certain themes, and used emotive language in their descriptions of small peoples. An important methodological principle in the study of the ethnic image of the Saami is the discursive analysis, which allows the study of the steady language constructions and clichéd phrases from the materials of the Soviet periodicals of 1920—1930s.

Key words: Saami; Soviet ethnography; image; indigenous peoples; Soviet periodicals; political and propaganda discourse